

Музыкант и благотворитель Бенц Марго: "Конец войны – лучшая помощь"

Марина Охримовская

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Укрепления на улицах Одессы в первые недели подномасштабного вторжения России в Украину, март 2022 года

Судьбу Бенца Марго изменила украинская музыка. И война. После 24 февраля 2022 года швейцарский музыкант-перкуSSIONИСТ мог вернуться в Берн, но вместо этого остался в Одессе. При его непосредственном участии появилась гуманитарная организация **Human Front Aid**. Помощь получили тысячи попавших в беду людей.

О том, как это было и что происходит сейчас, **Бенц Марго** рассказал Радио Свобода накануне Дня независимости Украины.

Как рухнул миф о "двух мирах"

– Я сам музыкант, вырос в музыкальной семье, окончил консерваторию, получил степень магистра и федеральный диплом преподавателя ударных инструментов. У

нас дома всегда слушали и играли музыку разных культур. Меня особенно интересовали необычные музыкальные традиции – лады, ритмы, звучание разных стран.

В историческом центре Берна ежегодно в августе проходит фестиваль уличной музыки Buskers, на который приезжают музыканты из разных стран. Шёл 2013 год. Друзья сказали, что в фестивале участвует украинская фольклорная группа Hudaki Village Band, и мы отправились на уличный концерт.

**“ Диапазон от
неукротимой жизненной
силы до печали потрясал**

Когда я услышал украинских музыкантов, у меня перехватило дух: две певицы, невероятный скрипач, бешеная энергия – и одновременно глубокая меланхолия.

Диапазон от неукротимой жизненной силы

до печали потрясал. Я возвращался их слушать снова и снова, познакомился с музыкантами и прежде всего с певицей Ольгой. Они пригласили меня в Украину.

До этого я немного знал Хорватию, бывал в Греции, но Украина, Россия и вообще славянский мир оставались для меня в основном терра инкогнита. Решил, что пора бы это исправить. Я рассказал родителям о концерте, и мой отец говорит: "Мы их знаем". Он узнал певицу: много лет назад мои родители выступали вместе с ней, когда она была совсем юной. В репертуаре моих родителей с тех пор была украинская, точнее карпатская песня "Ой на горі лен зелений". Я играл её вместе с мамой. Она замечательная певица, всю жизнь поёт и даже сейчас, в восемьдесят лет, даёт концерты.

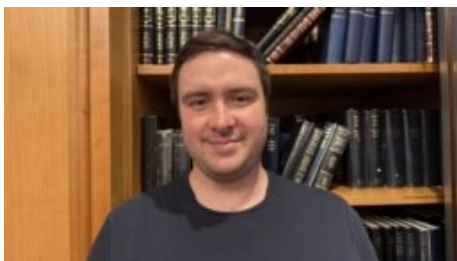
Бенц Марго

У этой песни впоследствии появилась собственная история. На втором году большой войны я был в Одессе и организовал прямое включение оттуда на Федеральную площадь в Берне, попросил родителей сыграть на демонстрации солидарности с Украиной. Отец встретил украинцев звуками альпийского рога, а потом родители исполнили ту украинскую песню. Но до этого надо было еще дожить.

А тогда, через три с лишним месяца после моего знакомства с Hudaki Village Band, в Киеве начался Майдан. Я внимательно следил за происходящим, общался с Ольгой и её мужем. Объясняя серьёзность ситуации, они подчеркивали: "Будет война. Большая война". – "Почему? Это же революция, политический конфликт. Откуда взяться войне?" – "Всё будет обостряться. Ты не знаешь Путина", – отвечали они мне из Киева.

Меня вдохновляло, что люди в Украине поднялись ради лучшей жизни. Я хотел ехать в Украину, но медлил: мне было страшно. Друг помог забронировать рейс на самолет до Киева вскоре после бегства Януковича. Так зимой 2014 года я оказался в столице Украины. Ольга с мужем приняли меня в своем доме.

Очень скоро Россия захватила Крым. Исторические события следовали одно за другим. Я думал остаться ненадолго, но быстро понял: не хочу уезжать! Поездка, запланированная на четыре дня, растянулась на месяц.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Помнить дом, каким он был". Земля и небо
Павла Шмулевича

– *Близкое знакомство изменило ваше мнение об Украине?*

– До первой поездки в Украину я в основном мыслил штампами, которые мы на Западе впитывали годами: мафия, коррупция, бедность, войны, "русский медведь", железный занавес. Было ощущение, будто нас отделяет от славянского мира невидимая граница, словно это почти другая цивилизация.

При этом я всегда понимал: отдельные люди – это просто люди. Встретив в Берне русского или украинца, замечаешь культурные различия, но всё равно можешь разговаривать, спорить, смеяться вместе. В моей голове сосуществовали два образа: один был создан историей и политикой, другой – личными встречами.

Когда я приехал, настроение в Киеве было тяжёлым, но жизнь продолжалась. После сравнительно небольшого Берна я попал в огромный, живой многомиллионный город. Поначалу меня это даже сбивало с толку.

Я отправился на Майдан – и оказался среди баррикад, следов столкновений, оживленного многолюдья. Само пространство хранило историю революции. Заговорил с людьми. Они показывали, рассказывали, спорили – и как будто сразу приняли меня. Особенно поражали открытость и гостеприимство – окружающие радовались жизни, несмотря на тяжёлую политическую ситуацию.

Граффити на Майдане в Киеве памяти погибших в ходе протестов в феврале 2014 года ("Небесной сотни")

Меня поражали контрасты. Я видел разбитые дороги, старые трамваи, автобусы, поезда метро. В Швейцарии всё постоянно обновляют. А в Украине люди спокойно живут среди изрядно изношенных вещей. Через обшарпанный подъезд можно войти в отличный бар, ресторан или культурное пространство, уютное и живое.

Тогда и начали ломаться мои клише. Не потому, что коррупции, бедности и других проблем не было. Всё это осталось. Но страна и люди оказались гораздо сложнее картинок, которые видишь издалека. И я понял, что этот якобы другой мир вовсе не так чужд нам, западноевропейцам. Меня впечатлило и стремление людей в Украине к более стабильной и безопасной жизни. Они хотели достичь того, что для нас стало привычным.

**“ Страна и люди
оказались сложнее
картинок, которые видишь
издалека**

Готовность людей отстаивать свою надежду, бороться и рисковать жизнью произвела на меня огромное впечатление. Наверное, именно тогда окончательно рухнуло моё поверхностное представление о "двух мирах". У нас разная история, есть

культурные различия. Но наши главные желания – безопасность, свобода, демократия, благополучное будущее – очень близки.

Как пришла война

– 24 февраля 2022 года вы проснулись в Одессе от взрывов. Могли вернуться в Швейцарию, но включились в эвакуацию людей и доставку помощи...

– Ситуация уже была накалена накануне. Вечером я собрал сумку на чрезвычайный случай. Взрывы разбудили меня около шести. Шли сообщения: бомбят аэропорт Одессы. Выглянул в окно – тихо. Стал читать новости, сравнивать источники, чтобы понять, что происходит и что может случиться дальше. Родители и друзья были в панике: "Уезжай! Там война!". Я отвечал: "Я знаю. Но хочу помочь, хочу остаться с друзьями".

Знакомый американец решил уезжать. Нашлась машина до молдавской границы. От Одессы до Молдовы около шестидесяти километров, так что вернуться всегда смогу, думал я, а вот позже возможность выехать может исчезнуть. Кроме того, тогда мне казалось, что извне я смогу эффективнее помогать людям.

Офис швейцарской гуманитарной организации Human Front Aid за работой. Одесса, лето 2026

Из Молдовы сразу связался с друзьями в Одессе. Многие тоже хотели уехать, я помогал искать машины и водителей. В социальных сетях мгновенно возникли группы взаимопомощи. В Кишинёв прибывали автобусы с беженцами из Украины, социальные службы не справлялись. Масштаб гуманитарной катастрофы был огромен. Помощи не хватало.

Я писал швейцарским друзьям: "Приезжайте. Нужна ваша помощь". И из Швейцарии начали приезжать люди, чтобы помогать вместе со мной. Работы было так много, что не хватало времени на сон. В голове постоянно билась мысль: если я этого не сделаю, возможно, кто-то умрёт. И хотя моя ситуация была несравнима с положением украинцев, которым приходилось бороться за выживание, а я лишь помогал другим, ощущение, что прежняя жизнь исчезла вмиг, понятно и мне.

Вскоре мы создали швейцарскую гуманитарную организацию Human Front Aid. Примерно через месяц после начала войны я вернулся в Украину, основная работа велась из Одессы. Только следующей зимой я поехал в Швейцарию повидать родителей, а затем снова возвратился в Одессу. Мы становились профессиональнее, эффективнее. Люди говорили: "Ваша помощь важна, продолжайте, пожалуйста". Это мотивирует.

– Вы видели в Украине тысячи разных судеб. Есть ли случай, о котором вы вспоминаете особенно часто?

– В первые месяцы российского вторжения людской поток был огромным. Особенно больно было видеть детей. Я старался, чтобы для них у нас всегда были сладости. Позже, когда мы начали индивидуальную экстренную финансовую помощь – Direct Individual Emergency Cash Help ("прямая индивидуальная денежная помощь" – РС) – появилась возможность и необходимость вникать в личные истории.

“ Люди говорили: "Ваша помощь важна, продолжайте, пожалуйста". Это мотивирует

Cash Help вообще предполагает разговор. Люди рассказывают, что с ними произошло, иногда плачут. Тысячи историй. Потерянные близкие. Насилие и пытки на оккупированных территориях. Убитые родственники. Люди, которые после пережитого психологически едва

справляются с жизнью. Женщины с детьми, а мужей больше нет. Одна история особенно врезалась в память. Пришёл весёлый малыш и сразу бросился к сладостям. Его мать зверски изнасиловали и убили, теперь о нём заботится тётя. Они остро нуждались в деньгах. Малыш радовался конфетам, но я знал их беду, и это, поверьте, тяжело.

Одна женщина из Херсона оказалась певицей, и в благодарность она пела для нас. Другая женщина вместе с маленькой Дианой бежала из Константиновки в Одессу.

Мы помогли им деньгами. На следующий день мама вернулась с рисунком – отпечатки детских ладоней, имя, дата. Это теперь наш логотип. Еще одна семья с ребёнком из Херсона обязательно хотела подарить мне шоколадку. У меня самого был швейцарский шоколад, мы постоянно покупали сладости и в Украине, и я, конечно, дал им свой. Но они настояли, чтобы я взял их шоколад из Херсона, увёз в Швейцарию и там съел. Эта шоколадка до сих пор у меня, я её так и не открыл.

Мы много раз получали небольшие подарки, иногда сделанные своими руками. Меня поражает, что люди в тяжелейшей ситуации всё равно хотят что-то отдать тем, кто им помогает.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Подлость и садизм. Блогеры – о замерзающих городах Украины

Есть много пожилых людей, эвакуированных из прифронтовых районов – например, из Бахмута и других сильно пострадавших мест. Некоторые переселенцы оказываются в сёлах, в старых школах, по несколько человек в одной комнате, тяжело больные, иногда с онкологическими заболеваниями, почти без поддержки. Порой кажется, что о них забыли.

Почти везде мы слышим одно и то же: "Помощи не хватает". Поэтому у меня нет одного лица, которое осталось в памяти. Их много. Одни истории остаются из-за трагедии. Другие – из-за короткого мгновения радости: ребёнок с Chupa Chups, детский рисунок, женщина, которая вдруг начинает петь, шоколадка из Херсона, которую я храню.

Как швейцарцы деньги раздавали

– Сначала вы вывозили людей автобусами и доставляли продукты, а затем [Human Front Aid](#) перешла преимущественно к прямой денежной помощи. Почему?

– Вначале я работал с центром в Одессе, где раздавали продукты. Смотрел, чего не хватает, что нужно купить, чтобы на следующую неделю снова был запас. Но меня всё больше беспокоило, в каких условиях люди получают эту помощь. Перед входом иногда стояли сотни людей: пожилые, дети, семьи. Летом – под палящим солнцем. Я думал: так быть не должно.

Привез палатки и зонты, добивался сидячих мест, организовал питьевую воду. Для сотрудников внутри привёз вентиляторы. Все сотрудники и волонтеры работали в постоянном стрессе, и хотелось сделать ситуацию хотя бы немного более человечной. Во время сильной жары я однажды дешёво купил прямо на фабрике большую партию мороженого. Мы раздавали его людям, которым приходилось ждать на улице.

Меня мучили вопросы системы и организации. Пожилые люди, дети, семьи стоят толпой перед дверью и ждут, пока им выдадут несколько килограммов риса или другие продукты. В какой-то момент меня навестил в Одессе [Хуго Фазель](#), бывший директор [Caritas](#) в Швейцарии и друг нашей семьи. Он спросил: "А почему вы не даёте людям деньги напрямую?"

“ А почему вы не даёте людям деньги напрямую?

Но как сделать это прозрачно и правильно? Когда покупаешь продукты, есть чек: понятно, что почём. Хотя, конечно, если кто-то хочет обмануть, возможность найдётся

почти всегда. Мы долго обсуждали это и пришли к выводу: напрямую давать людям деньги гораздо эффективнее.

Это было осенью, в первый год войны. Я сказал местной гуманитарной организации в Одессе: "Больше не буду покупать продукты. Выберите семьи и людей, которым сейчас тяжелее всего и которым можно конкретно помочь денежной суммой". Мы составляли списки, записывали данные, люди расписывались за полученные деньги. Я фотографировал, чтобы показать Хуго и нашим партнёрам в Швейцарии, как это работает.

Начали с двадцати семей в день. Сначала люди немного сомневались, но затем почти все были довольны. Это была помощь с уважением. Человек получал деньги и сам решал, что ему сейчас нужнее всего. Одному надо оплатить дорогу, чтобы добраться до семьи на западе Украины. Другому – срочно рассчитаться за жильё. Сегодня, на пятом году войны, мы особенно часто сталкиваемся с медицинскими расходами: лекарства, лечение, другие траты на здоровье. Большая проблема – просто содержать семью: у людей не хватает денег на базовые потребности.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Но завтра уже не было". Путь украинских беженцев в Армению

Важно понять, кто действительно находится в критической ситуации, и, если возможно, дать человеку шанс самому решить, на что потратить помощь. Только он знает, что ему сейчас нужнее всего. В этом для меня и есть уважение к человеческому достоинству.

– Как вы решаете, кому помогать, и как это контролируете?

– Мы оказываем именно экстренную помощь, а не базовую социальную поддержку. Стараемся выбирать самые тяжёлые случаи, в которых наша Cash Help может реально изменить ситуацию. Денег у нас всегда меньше, чем требуется, чтобы помочь всем нуждающимся. Мы не принимаем решения в одиночку. Когда работаем в сёлах, сотрудничаем с местными властями и социальными службами. Они знают семьи и понимают, кто в каком положении.

В городах работаем с Caritas, HEKS, другими гуманитарными и местными организациями. Если они видят человека, которому нужна именно наша форма помощи, направляют его к нам. То есть значительная предварительная проверка происходит заранее. При выдаче денег каждый случай вновь проверяется. У нас опытная команда – несколько небольших групп. Эти люди давно занимаются такой работой, знают документы, типичные уловки, хорошо разбираются в подобных ситуациях.

Клиенты, обратившиеся за помощью в швейцарскую гуманитарную организацию Human Front Aid. Одесса, зима 2026

Есть чёткие критерии: тяжёлые заболевания и онкология, инвалидность, преклонный возраст, многодетные семьи, одинокие матери, внутренне перемещённые лица и другие чрезвычайные обстоятельства. Чаще всего у человека сразу несколько проблем. Но одного списка критериев недостаточно, нужен личный разговор. Мы задаём вопросы, разбираемся в ситуации и после этого решаем, помогать ли и в каком размере.

За эти годы мы смогли оказать помощь на общую сумму около трёх миллионов швейцарских франков. Более половины этих средств мы передали напрямую как экстренную денежную помощь 21 тысяче семей из девяти регионов Украины. Но наша работа этим не ограничивалась. Мы эвакуировали 6500 человек. Помогали продуктами тысячам людей, организовывали бесплатные столовые, построили в одном селе водяной насос для сотен жителей и делали многое другое. Думаю, в целом мы смогли поддержать примерно 100 тысяч человек, но это приблизительная оценка.

Конечно, случались жалобы и критика, но такие ситуации редки. Разделять людей по тяжести положения трудно. Но наш принцип достаточно ясен: в критических случаях мы помогаем, в остальных – нет. Люди обычно это понимают.

Гуманитарная помощь остаётся человеческим процессом – работаешь с теми, кому доверяешь. Не анонимная система решает судьбу человека: люди сидят напротив друг друга, разговаривают и стараются принять максимально справедливое решение. Но ни одна система не защищена от ошибок или мошенничества стопроцентно.

“ Ни одна система не защищена от ошибок или мошенничества стопроцентно

В Швейцарии мы сертифицированы [ZEWO](#) (орган, оценивающий качество гуманитарных проектов – РС). Внешний аудит проверяет, кому выдаются деньги и правильно ли работает система. Всё документируется и отражается в отчётности.

Люди с большим опытом в гуманитарной сфере высоко оценивают нашу работу.

Естественно, я не могу гарантировать, что среди ста семей не окажется случая, когда мы ошиблись или человек потратил деньги, например, на алкоголь. Но если подавляющее большинство людей тратит средства на то, что им срочно необходимо, эффективность прямой денежной помощи высока. И очень важно, что человек может спросить, почему принято то или иное решение. Мы рядом.

Как играют и поют во время войны

– Музыка как-то помогает вам сейчас?

– Музыка рядом со мной всю жизнь, и в Украине тоже. За годы мы научились работать в условиях огромного стресса, сам иногда удивляюсь. Музыка при этом по-прежнему занимает важное место в моей жизни. Меня поражает, насколько она остаётся живой в Украине даже во время войны.

Я знаком здесь со многими музыкантами, время от времени меня приглашают играть. Однажды играл на дискотеке, в другой раз – на ударных в подземном джазовом клубе. Я даже привёз в Украину альпийский рог. Привозил и электронный техно-сетап. Иногда играю, но редко могу сосредоточиться на своей музыке по-настоящему.

Друзья и родные часто мне говорят: "Тебе нужно больше играть. У тебя талант". Я часто импровизирую, и музыка сейчас получается совсем не обязательно радостной. В ней много боли и хаоса. Иногда мне кажется, что я играю войну, тяжесть трагедии. Возможно, так я внутренне осмысливаю пережитое, но вообще я не сажусь за инструмент с целью лечить себя. Музыка сама постоянно возникает вокруг меня, но центром моей жизни остаётся помощь.

Швейцарские музыканты играют на альпийских рогах во время традиционного фестиваля сыра в городке Грюер

Меня, например, приглашали в класс ударных инструментов, где я несколько раз преподавал во время войны. Показывал детям, что умею, делился техникой и навыками. Это был хороший опыт. Мне нравится, что в Украине люди продолжают танцевать, играть и петь. Буквально вчера снова наблюдал: лето в Одессе, музыка,

люди на улице поют украинские и другие песни, танцуют. Я смотрел и радовался. И при этом знал: утром снова поеду в село, где нас ждут примерно сто семей. И снова будут тяжёлые истории.

За годы в Украине я много думал и о Швейцарии. У нас музыка, культура, безопасность, свободное время настолько привычны, что мы порой перестаём замечать их ценность. Здесь я ощущаю это иначе. Когда регулярно испытываешь страх или оказываешься рядом с опасностью, отношение к жизни меняется. Конечно, вероятность того, что лично со мной что-то случится, там, где я обычно нахожусь, невелика. Но бывали и моменты, когда опасность оказывалась близко. После этого сильнее ценишь обычные вещи: летний вечер, уличную музыку, людей, которые поют и танцуют. Мгновение, когда можно просто стоять, смотреть и радоваться.

“ После этого сильнее ценишь обычные вещи: летний вечер, уличную музыку, людей, которые поют и танцуют

– Когда сочувствие превращается в ответственность?

– В нашей работе оба эти качества необходимы. В Украине я постоянно вижу солидарность людей из Европы и других стран – они приезжают помогать. Когда

бываю в Швейцарии, вижу то же самое: швейцарцы поддерживают украинских беженцев, жертвуют деньги, отправляют гуманитарные грузы. Я называю это культурой помощи. Я и сам являюсь её частью. И масштаб этой культуры огромен.

Да, в Швейцарии есть люди, которые говорят: "Это меня не касается. Это не моя страна". Или даже: "Отдайте уже Украину Путину". К счастью, я слышу такое редко. Есть и злоупотребления, воровство гуманитарных грузов или использование их не по назначению. Но в целом я всё же верю в людей. Если бы большинство людей не было способно на добро и сотрудничество, человечество, наверное, не прожило бы столько тысяч лет. Со временем начинаешь видеть других, кто помогает, знакомиться с ними, понимать, что работает эффективно, а что – хуже.

Исходная точка простая: мы хотим помочь. Конечно, лучше всего было бы, если бы никакой войны вообще не было. Но она идёт. Поэтому самое важное сейчас – чтобы она прекратилась. Не завтра. Сейчас. Я хочу, чтобы этой войне положили конец. Для меня это была бы лучшая гуманитарная помощь.

Если однажды я пойму, что наша помощь больше не нужна, то буду счастлив. Тогда с удовольствием открою пляжный бар где-нибудь в Италии, снова займусь музыкой или ещё чем-нибудь приятным.

Этот контент также в категориях

Проект Европа

Выбор Свободы

Мир

Украина